

Глава 15

— Сыкун считает, что этой битвы не избежать?

— Разумеется, — с воинственным пылом ответил Дун Чжо.

Ли Жу заложил руки за спину, отвернулся и, сделав несколько быстрых шагов, глубоко вздохнул.

Дун Чжо, выходец из Силяна, обладал нравом воина. Теперь же, едва достигнув вершин власти и сосредоточив в своих руках огромные полномочия, он вполне мог действовать на поводу у эмоций. Его решение «нанести ответный удар» не стало неожиданностью.

Поразмыслив, советник полуобернулся и осторожно заговорил:

— В таком случае, генерал, помните ли вы, сколько у нас в Лояне своих людей? Если мы отправим войска в Хэдун и Хэнэй для подавления мятежа, сможем ли мы удержать столицу?

Дун Чжо замер.

Слова Ли Жу заставили его задуматься.

Прошло всего пять дней с тех пор, как они вошли в Лоян. Его лучшие воины из Лянчжоу ещё не прибыли. В столицу он привёл лишь пять тысяч личных гвардейцев.

В недавних боях за контроль над городом они потеряли несколько сотен человек. Если вычесть отряды, оставленные для прикрытия у горы Маншань и переправы Мэнцзинь, а также разведчиков, разосланных для наблюдения за другими силами, то в его распоряжении оставалось менее четырёх тысяч воинов.

Даже если с натяжкой прибавить к ним отряды Хэ Цзиня, перешедшие под командование его брата Дун Миня, число абсолютно преданных ему людей не превысит пяти тысяч.

«Тех, кто не поддастся на чужие уговоры и будет подчиняться только мне, всего пять тысяч! — осознал генерал. — И ни человеком больше!»

В Лояне и его окрестностях проживал миллион человек, а пять полков Северной армии были весьма многочисленны. Лишь отсутствие другого полководца, способного объединить эти силы, позволяло ему временно держать ситуацию под контролем.

Что же произойдёт, если он сейчас, невзирая на цену, отправит в бой своих старых

соратников?

Ли Жу задал следующий вопрос:

— И ещё, сыкун, вы полагаете, что Армия Чёрной горы, которую двор в своё время смог лишь временно усмирить, — это тот противник, которого можно одолеть, послав против них лишь нескольких ваших генералов, таких как Ли Цзюэ или Го Сы, во главе Северной армии?

Глаза Дун Чжо дрогнули. Он не ответил, но помощник уже прочёл ответ на его лице.

Нет.

Сиянским командирам и столичным солдатам требовалось время, чтобы сработаться. Поспешно бросив их в бой, он получил бы тот же результат, что и Люй Бу.

— А если оказать небольшую поддержку армии Бинчжоу, чтобы они переправились через реку и спасли своих...

Ли Жу прервал его:

— Или, быть может, сыкун хочет предложить, чтобы Лу Чжи и Юань Шао повели войска, позволив им и Армии Чёрной горы истощить друг друга в битве, пока вы пожинаете плоды? Но если мы дадим им такую военную мощь, головная боль потом будет у нас.

Они просто поведут войска обратно на Лоян!

Сыкун нахмурился.

— Так, по-твоему, мы должны просто смириться с этим поражением и забыть об этих разбойниках?

Когда эта новость дойдёт до двора, над ним будут смеяться все.

Но Ли Жу ответил твёрдо:

— Да, пока что мы должны смириться, чтобы избежать лишних потерь. Но это не значит, что мы не нанесём ответный удар. Мы сделаем это, когда вы прочно возьмёте в свои руки военную власть в столице и заручитесь поддержкой достаточного числа придворных. Тогда и придёт время для расплаты!

— Если же сыкуна всё ещё гложет обида, то можно свалить вину за мятеж Чёрной горы на

покойного императора или даже на нынешнего. Сказать, что это его некомпетентность привела к бунту. А поражение Люй Бу — это неудача армии Бинчжоу, какое отношение она имеет к вам...

Услышав это, Дун Чжо внезапно просиял.

— погоди! Ты сказал, на кого свалить ответственность?

Ли Жу медленно повторил:

— ...На нынешнего Его Величество.

— Отлично! Так и поступим! — досада от невозможности нанести ответный удар мгновенно улетучилась.

Ню Фу, стоявший рядом, тут же понял, к чему клонит его тесть.

И действительно, Дун Чжо произнёс:

— Взвню, как ты смотришь на то, чтобы я добавил ещё одну причину для низложения Сына Неба и возведения на престол Дун-хоу?

Он всё же считал, что Дун-хоу ему как-то ближе.

Ли Жу задумался, а затем спросил:

— В этом деле, я полагаю, нужно сначала прощупать настроения при дворе.

Сменить Сына Неба, чтобы утвердить свой авторитет как могущественного царедворца, — идея осуществимая. Но в случае с Дун Чжо это было не так просто. Ему требовались союзники.

Тот кивнул, принимая совет.

— Я скоро приглашу кое-кого во дворец Сяньяньюань, чтобы выяснить их позицию.

Он повернулся к Ню Фу.

— Пойди и пригласи сюда полковника-сыщика.

Полковник-сыщик, Юань Шао.

Фамилия Юань принадлежала клану, четыре поколения которого занимали высшие государственные посты, — клану Юань из Жунани. Их влияние при дворе было огромным.

Четыре поколения подряд выходцы из этого рода занимали посты трёх высших сановников. Их уважали куда больше, чем такого «нувориша» из Силяна, как Дун Чжо.

Если уж и менять императора, то следовало спросить их мнения.

Почему первым позвали именно Юань Шао?

Полковник-сыщик с мрачным лицом вошёл во дворец Сяньяньюань, где временно разместился Дун Чжо, и тут же услышал его радушный голос:

— Ах, Юань Шао, я должен поблагодарить вас за помощь! Если бы не ваш совет великому полководцу, чтобы я с войсками подошёл к Лояну и вынудил вдовствующую императрицу согласиться на казнь евнухов, я бы до сих пор торчал на границе Бинчжоу и Хэдуна. Где бы мне ещё представился такой шанс совершить подвиг спасения государя?

Ха-ха, как же ему нравился этот потомок знатного рода.

В борьбе между учёными-чиновниками и евнухами, Юань Шао и его сторонники использовали простодушного Хэ Цзиня как марионетку, обведя его вокруг пальца. Они и его, Дун Чжо, за серьёзную фигуру не считали.

Изначально Хэ Цзинь не планировал прибегать к крайним мерам, но Юань Шао и другие так умело раздували пламя, что втянули в это и его в качестве союзника. В итоге Хэ Цзинь был убит, а он, Дун Чжо, сопровождал государя обратно в столицу.

Всё благодаря помощи Юань Шао.

Добрый друг, настоящий добрый друг.

Гость не мог выдавить из себя улыбку и лишь сухо ответил:

— ...Сыкун слишком любезен.

Дун Чжо махнул рукой.

— Какие любезности! Я человек прямой, не привык к церемониям. Сегодня у меня как раз есть

дело, в котором мне нужна твоя помощь, вот я и позвал тебя.

Сердце Юань Шао ёкнуло. Его охватило дурное предчувствие.

— Какая помощь от меня может понадобиться сыкуну?

— Пустяковое дело, — легкомысленно бросил Дун Чжо.

Но от этих слов у собеседника по спине пробежал холодок.

— ...Всего лишь низложить императора. Нынешний государь, как по мне, слишком уж робок. Один вид евнухов, похитивших его, заставил его лепетать от страха. Разве таким должен быть Сын Неба династии Хань? Не лучше ли возвести на престол князя Чэньлю, чтобы изгнать из Лояна эту скверну?

Юань Шао застыл.

Дун Чжо, заложив руки за спину, как бы невзначай спросил:

— Что вы думаете об этом, полковник-сыщик?

«Что он думает?»

Юань Шао видел всё насквозь. Он прекрасно понимал, зачем Дун Чжо затеял этот разговор.

После мгновения шока и молчания его лицо потемнело, и он отрезал:

— Я думаю, что это никуда не годится! Восшествие Его Величества на престол было одобрено покойным императором. Он — законный наследник Великой Хань, тот, кому мы должны хранить верность. Как вы смеете говорить о низложении! Его Величество напуган, потому что он ещё юн и пережил потрясение. Разве это может быть причиной?

Дун Чжо холодно усмехнулся.

— А то, что в Хэдуне и Хэнэе бунтуют разбойники, напоминая о смуте Жёлтых повязок, это не причина?

Лицо Юань Шао изменилось.

— Это ваших рук дело, Дун сыкун, как вы можете винить в этом Его Величество! Если вы

считаете своё дело правым, то не спрашивали бы моего мнения, а объявили бы об этом прямо при дворе. И тогда бы мы увидели, многие ли из сановников поддержат вас.

— Наглец! — рявкнул Дун Чжо.

В его взгляде уже не было ни дружелюбия, ни благодарности — лишь неприкрытая жажда крови.

— Что ты понимаешь, сопляк! Вся военная власть в Лояне сейчас в моих руках. Я решаю судьбу Поднебесной! Если я решу низложить императора, кто посмеет ослушаться? Или ты не боишься моего меча?!

Юань Шао гордо встретил его ледяной взгляд.

— У вас, Дун сыкун, есть меч, но неужели у меня, Юань Шао, его нет?!

Дворец Сяньяньюань был лишь резиденцией, а не императорскими покоями. Приходя сюда, он не был обязан разоружаться, и сейчас его рука лежала на рукояти меча.

Со звоном клинок покинул ножны.

Потомок знатного рода, в ярости обнажив оружие, гневно воскликнул:

— Неужели во всей Поднебесной только у тебя, Дун Чжо, есть мужество?!

Если бы Дун Чжо не застал его врасплох, Юань Шао обнажил бы меч ещё при первых его словах. Он бы не стал терпеть до этого момента.

Но предложение низложить императора было настолько возмутительным, что он не мог поступить иначе!

«Неужели этот выскочка возомнил себя Хо Гуаном?»

Разделённые блеском обнажённой стали, двое мужчин смотрели друг на друга, но ни один не сделал шага вперёд.

Во дворе воцарилась мёртвая тишина.

Внезапно Дун Чжо громко рассмеялся, нарушив напряжение.

— Ха-ха-ха-ха, хорошо! У полковника-сыщика действительно есть отвага. Но не стоит демонстрировать мне прекрасное оружие вашего рода. Проводите гостя!

Увидев, что несколько человек двинулись к нему, чтобы «проводить», Юань Шао лишь холодно фыркнул, вложил меч в ножны и, не сказав больше ни слова, повернулся и ушёл.

Покинув дворец, он не пошёл к себе, а направился к дому своего дяди, Юань Вэй. Он рассказал великому наставнику обо всём, что произошло.

— Зачем ты так с ним повздорил? — спросил Юань Вэй, поглаживая свою белую бороду и сокрушённо вздыхая.

— Зачем я повздорил? — гнев снова вспыхнул в племяннике. — Или я должен был поблагодарить его за то, что он, зная о славе моего рода, не посмел тронуть меня? Он говорил о низложении Сына Неба!

Если Дун Чжо добьётся своего, что станет с Лояном, нетрудно было представить. Этот человек вознесётся на самую вершину власти!

Дядя не мог не понимать этого, но в его словах, казалось, сквозил страх.

Юань Вэй кашлянул.

— Если ты сейчас будешь с ним спорить, то ничего, кроме возможной гибели, не добьёшься. К тому же, я с самого начала не одобрял ваши радикальные методы и то, что вы привлекли Дун Чжо в столицу. А теперь...

Юань Шао ударил по столу, вскочил и, не желая больше слушать эти примирительные речи, пошёл прочь.

В их роду, конечно, нужны были такие осторожные старейшины, делающие ставки на разные стороны. Но если позволить Дун Чжо укрепить свою власть, это приведёт к катастрофе. Нужно было найти способ его устранить.

Раз уж он решительно отверг предложение Дун Чжо и навлёк на себя его гнев, а дядя не собирался его поддерживать, то в Лояне ему больше оставаться было нельзя.

Оставался только один выход!

— Помедленнее, входите в город помедленнее!

— Пропустите, не толпитесь здесь.

— Эй!

С глухим стуком глиняный горшок разбился о землю.

Старушка, державшая его, тут же согнулась, пытаясь собрать черепки, но толпа толкнула её, и она, пошатнувшись, едва не упала.

Лю Бин, проходивший мимо, поспешно подхватил её.

— Спасибо, спасибо... — пробормотала старушка, низко опустив голову. Она принялась собирать рассыпавшуюся из горшка сухую траву.

Лю Бин взглядом приказал Сунь Цину навести порядок в толпе беженцев, входивших в уезд Еван, а сам присел рядом с ней.

Наклонившись, он увидел, что в горшке была не просто трава, а какая-то сушёная дикая зелень. И она показалась ему знакомой. Размышляя об этом, он подал ей горсть травы. Старушка ссыпала её в свой холщовый мешок, не оставив ни былинки. Наконец она с облегчением вздохнула и, ковыляя, пошла прочь.

Внезапно Лю Бина осенило.

— Стойте! — крикнул он.

Он в три шага догнал её и выхватил из её мешка пучок травы.

— Бабушка, это нельзя есть.

Он не зря узнал эту зелень. В детстве он её собирал! Один из его приятелей тогда сказал ему, что молодые побеги вполне съедобны, но...

— Эта мокрица, когда перерастает, становится ядовитой. Её становится больше, но она вызывает сильное расстройство желудка.

— Мы не такие неженки, как вы. Что есть, то и едим. А старая она объёмнее, — старушка дрожащей рукой потянулась за травой, но, боясь разгневать знатного господина, лишь опустила голову и, ускорив шаг, скрылась в толпе.

— Да нет же...

Лю Бин хотел было снова остановить её, но дорогу ему преградил Сыма Лан.

— Бода, что случилось?

— Господин Лю, — Сыма Лан, вспомнив, что называть его «величеством» на людях неразумно, поспешно поправился, — только что солдаты, охраняющие переправу, доложили, что некто желает нас посетить и просит одолжить ему воинов для сопровождения.

Лю Бин замер.

— Одолжить воинов? Посетить?

Кто в здравом уме станет обращаться к Армии Чёрной горы, да ещё и с такими церемониями? Да ещё и со стороны Лояна.

Сыма Лан понизил голос:

— Прибывший назвался Юань Шао из клана Юань из Жунани. Он говорит, что навлек на себя гнев Дун Чжо, бросил службу и бежал. Он больше не полковник-сыщик и направляется в Цзичжоу, чтобы собрать войско. Он хочет одолжить солдат у Армии Чёрной горы и просит прохода через Хэдун. Встретимся мы с ним или нет?

— Если я не ошибаюсь, он из знатного рода, прославился в столице ещё в юности. Вы должны были слышать о нём?

Рука Лю Бина, скрытая в рукаве, дрогнула. Он никак не ожидал, что сразу после того, как они разбили Люй Бу, заперев его в темнице уезда Еван, появится новая смертельная угроза.

— Слышал.

«Конечно, слышал. Всякий, кто знаком с „Троецарствием“, знает это имя»

«Плохо дело. Юань Шао из клана Юань из Жунани — человек, который прекрасно знает в лицо императора в Лояне. И теперь он просит прохода через Хэдун. Принять его или нет?»